

240. АРБИТРАЖНОЕ РЕШЕНИЕ ОТ 3 ОКТЯБРЯ 1899 ГОДА (ГАЙАНА против ВЕНЕСУЭЛЫ) [ЮРИСДИКЦИЯ СУДА]

Резюме решения от 18 декабря 2020 года

18 декабря 2020 года Международный Суд вынес решение по вопросу о его юрисдикции в деле *Арбитражное решение от 3 октября 1899 года (Гайана против Венесуэлы)*. Суд установил, что обладает юрисдикцией для рассмотрения поданного Гайаной заявления постольку, поскольку оно касается действительности арбитражного решения от 3 октября 1899 года и смежного вопроса об окончательном урегулировании спора между Гайаной и Венесуэлой о сухопутной границе.

Суд заседал в следующем составе: Председатель Юсуф; Вице-Председатель Сюэ; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Кансаду Триндади, Донохью, Гая, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Кроуфорд, Геворгян, Салам, Ивасава; судья *ad hoc* Чарлзуорт; Секретарь Готье.

*

* *

История судопроизводства (пункты 1–22)

Суд напоминает, что 29 марта 2018 года правительство Кооперативной Республики Гайана (далее «Гайана») подало в Секретариат Суда заявление о возбуждении дела против Боливарианской Республики Венесуэла (далее «Венесуэла») в связи со спором, касающимся «юридической действительности и обязательности решения о границе между колонией Британская Гвиана и Соединенными Штатами Венесуэлы от 3 октября 1899 года» (далее «арбитражное решение 1899 года» или «арбитражное решение»). В своем заявлении Гайана пытается установить юрисдикцию Суда, согласно пункту 1 статьи 36 Статута Суда, на основании пункта 2 статьи IV «Соглашения о разрешении спора между Венесуэлой и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии по поводу границы между Венесуэлой и Британской Гвианой», подписанного в Женеве 17 февраля 1966 года (далее «Женевское соглашение»). В нем поясняется, что в соответствии с этим последним положением Гайана и Венесуэла «взаимно наделили Генерального секретаря Организации Объединенных Наций полномочиями по выбору средства урегулирования спора, и 30 января 2018 года Генеральный секретарь осуществил свои полномочия, выбрав судебное разбирательство Судом».

18 июня 2018 года Венесуэла заявила, что, по ее мнению, Суд не обладает юрисдикцией для рассмотрения данного дела и что Венесуэла не будет участвовать в разбирательстве. Суд придерживался мнения, что в обстоятельствах дела необходимо, прежде всего, решить вопрос о его юрисдикции и что этот вопрос, соответственно, должен быть отдельно определен до любого разбирательства по существу.

I. Введение (пункты 23–28)

Предварительно Суд выражает свое сожаление по поводу решения Венесуэлы не участвовать в рассматриваемом им разбирательстве. Неявка одной стороны, безусловно, негативно сказывается на надлежащем отправлении правосудия. В частности, неявившаяся сторона теряет возможность представить доказательства и аргументы в поддержку своего дела и опровергнуть утверждения своего оппонента. По этой причине Суд не имеет той помощи, которую он мог бы получить благодаря этой информации, но, тем не менее, он должен продолжить работу и сделать все необходимые выводы по делу.

Суд подчеркивает, что неучастие одной из сторон в разбирательстве на любой стадии дела ни при каких обстоятельствах не может повлиять на действительность его решения, напоминая при этом, что если рассмотрение данного дела выйдет за рамки текущей стадии, Венесуэла, которая остается стороной разбирательства, сможет, если пожелает, явиться в Суд для изложения своих аргументов.

Суд далее поясняет, что неявившиеся стороны, хотя они формально отсутствуют в ходе разбирательств, иногда представляют Суду письма и документы с помощью способов и средств, не предусмотренных его Регламентом. Он отмечает, что в данном случае Венесуэла направила Суду меморандум, который Суд принимает во внимание в той мере, в какой он считает это уместным при выполнении своей обязанности, согласно статье 53 Статута, убедиться в своей юрисдикции рассматривать заявление.

II. Историческая справка и обстоятельства дела (пункты 29–60)

Суд начинает с изложения исторической справки и обстоятельств дела. В этой связи он отмечает, что Гайана, расположенная на северо-востоке Южной Америки, граничит с Венесуэлой на западе. В то время, когда возник настоящий спор, Гайана все еще была британской колонией, известной как Британская Гвиана. Она получила независимость от Соединенного Королевства 26 мая 1966 года. Далее Суд поясняет, что спор между Гайаной и Венесуэлой восходит к ряду событий, произошедших во второй половине девятнадцатого века, каждое из которых он описывает по очереди.

A. Вашингтонский договор и арбитражное решение 1899 года (пункты 31–34)

Суд напоминает, что в девятнадцатом веке и Соединенное Королевство, и Венесуэла претендовали на территорию, включающую участок между устьем реки Эс-секибо на востоке и рекой Ориноко на западе.

В 1890-х годах Соединенные Штаты Америки призвали обе стороны передать свои территориальные претензии в обязательный арбитраж. Обмен мнениями между Соединенным Королевством и Венесуэлой в конечном итоге привел к подписанию в Вашингтоне 2 февраля 1897 года арбитражного договора под названием «Договор между Великобританией и Соединенными Штатами Венесуэлы об урегулировании границы между колонией Британская Гвиана и Соединенными Штатами Венесуэлы» (далее «Вашингтонский договор»).

Арбитраж, созданный в соответствии с этим договором, вынес свое решение 3 октября 1899 года. Согласно этому решению Венесуэле было передано все устье реки Ориноко и земли по обеим ее сторонам; Соединенному Королевству предоставлялись земли на востоке до реки Эссекибо. В следующем году совместной англо-венесуэльской комиссии было поручено провести демаркацию границы, установленной арбитражным решением 1899 года. Комиссия выполняла эту задачу с ноября 1900 года по июнь 1904 года. 10 января 1905 года, после демаркации границы, британский и венесуэльский комиссары составили официальную карту границы и подписали соглашение, в котором, в частности, признавалось, что координаты указанных точек верны.

В. Отказ Венесуэлы от арбитражного решения 1899 года и поиск путей урегулирования спора (пункты 35–39)

Суд отмечает, что, как Венесуэла сообщила Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций 14 февраля 1962 года, по ее мнению, между ней и Соединенным Королевством существует спор «относительно демаркации границы между Венесуэлой и Британской Гвианой», арбитражное решение 1899 года было «результатом политической сделки, проведенной за спиной Венесуэлы и в ущерб ее законным правам», и поэтому она не может признать это решение.

Правительство Соединенного Королевства, со своей стороны, утверждало, что «западная граница Британской Гвианы с Венесуэлой [была] окончательно урегулирована решением, которое арбитраж объявил 3 октября 1899 года», и что оно не может «согласиться с тем, что [может] существовать какой-либо спор по вопросу, урегулированному этим решением». Тем не менее Соединенное Королевство заявило, что оно открыто для дискуссий по дипломатическим каналам.

16 ноября 1962 года с разрешения представителей Соединенного Королевства и Венесуэлы Председатель Четвертого комитета Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций заявил, что правительства двух государств (правительство Соединенного Королевства, действующее при полном согласии правительства Британской Гвианы) изучат «документальные материалы», относящиеся к арбитражному решению 1899 года (далее «трехсторонняя экспертиза»). Эта экспертиза проходила с 1963 по 1965 годы. Она была завершена 3 августа 1965 года обменом отчетами экспертов. И если эксперты Венесуэлы продолжали считать арбитражное решение недействительным, то эксперты Соединенного Королевства придерживались мнения, что нет никаких доказательств в поддержку этой позиции. На встрече в Лондоне в декабре 1965 года для обсуждения урегулирования этого спора каждая сторона сохранила свою позицию по данному вопросу.

С. Подписание Женевского соглашения 1966 года (пункты 40–44)

Далее Суд напоминает, что после провала переговоров в Лондоне все три делегации вновь встретились в Женеве в феврале 1966 года и что 17 февраля 1966 года они подписали Женевское соглашение, английский и испанский тексты которого являются аутентичными. 26 мая 1966 года Гайана, получив независимость, стала

стороной Женевского соглашения наряду с правительствами Соединенного Королевства и Венесуэлы.

Женевское соглашение предусматривает, во-первых, создание Смешанной комиссии для поиска путей урегулирования спора между сторонами (статьи I и II). Статья IV, пункт 1, далее гласит, что, если эта Комиссия не справится со своей задачей, правительства Гайаны и Венесуэлы выберут один из способов мирного урегулирования, предусмотренных в статье 33 Устава Организации Объединенных Наций. Наконец, в соответствии с пунктом 2 статьи IV, если эти правительства не смогут достичь соглашения, решение о средствах урегулирования принимается соответствующим международным органом, на который они оба согласны, или, в случае отсутствия такового, Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций.

D. Осуществление Женевского соглашения (пункты 45–60)

1. Смешанная комиссия (1966–1970 годы) (пункты 45–47)

Смешанная комиссия была создана в 1966 году в соответствии со статьями I и II Женевского соглашения. За время действия мандата Комиссии представители Гайаны и Венесуэлы встречались несколько раз. Однако Смешанная комиссия завершила свой мандат в 1970 году, так и не придя ни к какому решению.

2. Протокол Порт-оф-Спейна 1970 года и введенный мораторий (пункты 48–53)

Поскольку в рамках Смешанной комиссии не было найдено решения, Венесуэла и Гайана, согласно статье IV Женевского соглашения, должны были выбрать одно из средств мирного разрешения споров, предусмотренных статьей 33 Устава Организации Объединенных Наций. Однако, ввиду разногласий между сторонами, на процесс урегулирования спора был наложен мораторий, принятый в форме протокола к Женевскому соглашению («Протокол Порт-оф-Спейна») и подписанный 18 июня 1970 года, в тот же день, когда Смешанная комиссия представила свой заключительный доклад. Статья III Протокола предусматривала приостановление действия статьи IV Женевского соглашения до тех пор, пока Протокол остается в силе. В соответствии со статьей V Протокола он должен был оставаться в силе в течение первоначального периода в двенадцать лет, который впоследствии мог быть продлен.

В декабре 1981 года Венесуэла объявила о своем намерении расторгнуть Протокол Порт-оф-Спейна. Следовательно, применение статьи IV Женевского соглашения было возобновлено с 18 июня 1982 года.

В соответствии с пунктом 1 статьи IV Женевского соглашения стороны попытались достичь соглашения о выборе одного из средств мирного разрешения споров, предусмотренных статьей 33 Устава. Однако они не сделали этого в течение трехмесячного срока, установленного в пункте 2 статьи IV. Они также не смогли договориться о выборе соответствующего международного органа для принятия решения

о средствах урегулирования, как это предусмотрено в пункте 2 статьи IV Женевского соглашения.

Поэтому стороны приступили к следующему шагу, передав решение о средстве урегулирования на рассмотрение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

После того, как этот вопрос был передан ему сторонами, Генеральный секретарь г-н Хавьер Перес де Куэльяр письмом от 31 марта 1983 года согласился взять на себя ответственность, возложенную на него в соответствии с пунктом 2 статьи IV Женевского соглашения.

После того, как один из его представителей провел встречи и обсуждения со сторонами, в начале 1990 года Генеральный секретарь выбрал в качестве подходящего средства урегулирования процесс добрых услуг.

*3. От процесса добрых услуг (1990–2014 и 2017 годы)
до обращения в Суд (пункты 54–60)*

В период с 1990 по 2014 год процессом добрых услуг руководили три личных представителя, назначенных сменявшими друг друга генеральными секретарями. В течение этого периода проводились регулярные встречи между представителями обоих государств и Генеральным секретарем.

В сентябре 2015 года Генеральный секретарь провел встречу с главами государств Гайаны и Венесуэлы, а 12 ноября 2015 года издал документ, в котором проинформировал стороны о том, что «если до конца срока его полномочий не будет найдено практическое решение спора, он намерен начать процесс получения окончательного и обязательного решения Международного Суда».

В декабре 2016 года Генеральный секретарь объявил, что он решил продолжить процесс добрых услуг еще на один год.

После вступления в должность 1 января 2017 года новый Генеральный секретарь г-н Антониу Гутерриш продолжил процесс добрых услуг в течение последнего года в соответствии с решением своего предшественника. В письмах обеим сторонам от 30 января 2018 года Генеральный секретарь заявил, что он «тщательно проанализировал развитие событий в процессе добрых услуг в течение 2017 года» и объявил, что, поскольку «значительный прогресс в обеспечении полного согласия для разрешения спора не был достигнут», он «выбрал Международный Суд в качестве средства, которое теперь будет использоваться для его урегулирования».

29 марта 2018 года Гайана подала свое заявление в Секретариат Суда.

III. Толкование Женевского соглашения (пункты 61–101)

Суд напоминает о трехэтапном процессе, установленном Женевским соглашением, и отмечает, что стороны не смогли достичь соглашения о выборе одного из средств мирного разрешения споров, изложенных в статье 33 Устава, как это

предусмотрено пунктом 1 статьи IV Женевского соглашения. Затем они приступили к следующему шагу и передали это решение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций в соответствии с пунктом 2 статьи IV Соглашения. Таким образом, Суд должен истолковать это положение, чтобы определить, согласились ли стороны, доверив решение о выборе одного из средств разрешения споров, предусмотренных статьей 33 Устава, Генеральному секретарю, урегулировать свой спор, в частности, судебными средствами. Если это будет установлено, то Суд должен будет определить, подлежит ли это согласие каким-либо условиям. В рамках толкования пункта 2 статьи IV Женевского соглашения Суд сначала изучает использование понятия «спор» в этом положении.

А. «Спор» по Женевскому соглашению (пункты 64–66)

В целях определения понятия «спор», для разрешения которого было заключено Женевское соглашение, Суд изучает использование этого понятия в данном документе.

Суд отмечает, в частности, что при заключении и осуществлении Женевского соглашения стороны выразили несовпадающие мнения относительно действительности арбитражного решения 1899 года и последствий этого вопроса для их границы. Так, статья I Женевского соглашения определяет мандат Смешанной комиссии как поиск удовлетворительных решений для практического урегулирования «спора между Венесуэлой и Соединенным Королевством, который возник в результате утверждения Венесуэлы о недействительности арбитражного решения 1899 года о границе между Британской Гвианой и Венесуэлой». Это утверждение Венесуэлы последовательно оспаривалось Соединенным Королевством в период с 1962 года до принятия Женевского соглашения 17 февраля 1966 года, а затем Гайаной, ставшей стороной Женевского соглашения после обретения независимости, в соответствии со статьей VIII этого соглашения.

Из этого следует, по мнению Суда, что предметом Женевского соглашения был поиск решения спора о границе между сторонами, возникшего из-за их противоположных мнений относительно действительности арбитражного решения 1899 года. На это указывает и название Женевского соглашения — «Соглашение о разрешении спора между Венесуэлой и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии о границе между Венесуэлой и Британской Гвианой» и формулировка последнего абзаца его преамбулы. Эта же идея подразумевается в пункте 1 статьи V Женевского соглашения, где говорится о сохранении соответствующих прав и претензий сторон на такой территориальный суверенитет.

Проведя анализ, Суд приходит к выводу, что «спор», который стороны согласились разрешить с помощью механизма, созданного в соответствии с Женевским соглашением, касается вопроса о действительности арбитражного решения 1899 года, а также его правовых последствий для линии границы между Гайаной и Венесуэлой.

В. Вопрос о том, дали ли стороны свое согласие на судебное разбирательство спора в соответствии с пунктом 2 статьи IV Женевского соглашения (пункты 67–88)

Суд отмечает, что в отличие от других положений в договорах, которые напрямую касаются судебного разбирательства Судом, пункт 2 статьи IV Женевского соглашения ссылается на решение третьей стороны в отношении выбора средства урегулирования. Поэтому Суд начинает с выяснения того, наделили ли стороны третью сторону, в данном случае Генерального секретаря, полномочиями выбирать, путем обязательного для них решения, средство урегулирования их спора.

1. Вопрос о том, носит ли решение Генерального секретаря обязательный характер (пункты 68–78)

Для толкования Женевского соглашения Суд применяет правила толкования договоров, содержащиеся в статьях 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров. Хотя эта конвенция не действует между сторонами и, в любом случае, не применима к документам, заключенным до ее вступления в силу, таким как Женевское соглашение, как напоминает Суд, хорошо установлено, что эти статьи отражают нормы международного обычного права.

Первое предложение пункта 2 статьи IV Женевского соглашения предусматривает, что стороны «передают решение... Генеральному секретарю». Суд считает, что эта формулировка указывает на то, что стороны взяли на себя правовое обязательство подчиниться решению третьей стороны, на которую они возложили такие полномочия, в данном случае Генерального секретаря Организации Объединенных Наций. Далее в нем отмечается, что предметом и целью Женевского соглашения является обеспечение окончательного разрешения спора между сторонами.

Учитывая вышеизложенное, Суд считает, что стороны передали Генеральному секретарю полномочия выбрать, по решению, которое является обязательным для них, средства, которые будут использованы для урегулирования их спора. Этот вывод также подтверждается позицией Венесуэлы, зафиксированной в ее документе «Изложение мотивов законопроекта о ратификации Протокола Порт-оф-Спейна от 22 июня 1970 года», в котором признается возможность того, что «вопрос об определении средств разрешения спора может перестать быть в ведении двух непосредственно заинтересованных сторон и может быть решен международным институтом, выбранным ими, или, если это не удастся, Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций». Это также подтверждается обстоятельствами, в которых было заключено Женевское соглашение. В этой связи Суд отмечает, что в своем заявлении от 17 марта 1966 года перед Национальным конгрессом по случаю ратификации Женевского соглашения министр иностранных дел Венесуэлы, упоминая дискуссии, состоявшиеся на Женевской конференции, утверждал, что «единственная роль, возложенная на Генерального секретаря Организации Объединенных Наций [заключалась] в том, чтобы указать сторонам средства мирного разрешения споров... предусмотренные в статье 33». Далее он заявил, что, отклонив британское предложение возложить эту роль на Генеральную Ассамблею Организации Объединенных

Наций, «Венесуэла [предложила] в этом случае возложить эту роль на Генерального секретаря».

2. *Вопрос о том, согласились ли стороны с выбором Генеральным секретарем судебного разбирательства (пункты 79–88)*

Затем Суд переходит к толкованию последнего предложения пункта 2 статьи IV Женевского соглашения, которое предусматривает, что Генеральный секретарь «выбирает другое из средств, предусмотренных статьей 33 Устава Организации Объединенных Наций, и так до тех пор, пока спор не будет разрешен или пока не будут исчерпаны все предусмотренные в ней средства мирного разрешения споров».

Учитывая, что пункт 2 статьи IV Женевского соглашения ссылается на статью 33 Устава Организации Объединенных Наций, которая предусматривает судебное разбирательство в качестве одного из средств разрешения споров, Суд считает, что стороны признали возможность разрешения спора с помощью такого средства. По его мнению, если бы стороны хотели исключить такую возможность, они могли бы сделать это в ходе переговоров. Равным образом вместо ссылки на статью 33 Устава они могли бы изложить предусмотренные средства урегулирования, опустив при этом судебное разбирательство, чего они также не сделали.

Суд отмечает, что, согласно формулировке пункта 2 статьи IV Женевского соглашения, стороны наделили Генерального секретаря полномочиями выбирать из средств разрешения споров, предусмотренных статьей 33 Устава, «до тех пор, пока спор не будет разрешен». Он отмечает, что статья 33 Устава включает, с одной стороны, политические и дипломатические средства, а с другой стороны, судебные средства, такие как арбитраж и судебное разбирательство. О желании сторон окончательно разрешить их спор говорит тот факт, что среди перечисленных средств есть арбитраж и судебное разбирательство, которые по своей природе имеют обязательную силу. Фраза «и так далее, пока спор не будет разрешен» также предполагает, что стороны наделили Генерального секретаря полномочиями по выбору наиболее подходящих средств для окончательного разрешения спора. Суд считает, что выбор Генеральным секретарем средства, ведущего к разрешению спора, свидетельствует о выполнении им его обязанности по пункту 2 статьи IV Женевского соглашения в соответствии с предметом и целью этого документа.

С учетом вышеприведенного анализа Суд приходит к выводу о том, что имеющиеся в распоряжении Генерального секретаря средства урегулирования споров, на которые стороны дали согласие в соответствии с пунктом 2 статьи IV Женевского соглашения, включают судебное разбирательство.

Далее Суд отмечает, что этот вывод не ставится под сомнение фразой «или пока не будут исчерпаны все предусмотренные в ней средства мирного разрешения споров» в пункте 2 этой статьи, что может навести на мысль, что стороны предусмотрели возможность того, что выбор Генеральным секретарем средств, предусмотренных в статье 33 Устава и включающих судебное разбирательство, не приведет к разрешению спора. Существуют различные причины, по которым судебное решение, имеющее силу *res judicata* и разъясняющее права и обязанности сторон, на

самом деле может не привести к окончательному урегулированию спора. Суду достаточно отметить, что в данном случае судебное решение, объявляющее арбитражное решение 1899 года недействительным без делимитации границы между сторонами, может не привести к окончательному разрешению спора, что противоречило бы предмету и цели Женевского соглашения.

В свете вышеизложенного Суд приходит к выводу, что стороны дали согласие на судебное разбирательство их спора.

С. Вопрос о том, обусловлено ли чем-либо согласие, данное сторонами на судебное разбирательство их спора, в соответствии с пунктом 2 статьи IV Женевского соглашения (пункты 89–100)

Суд отмечает, что в договорах, в которых стороны соглашались на судебное разбирательство спора, нередко они оговаривают такое согласие условиями, которые должны рассматриваться как пределы его действия. Поэтому он должен установить, обусловлено ли согласие сторон на средство судебного разбирательства, выраженное в пункте 2 статьи IV Женевского соглашения, определенными условиями.

Отмечая, что стороны не оспаривают, что Генеральный секретарь обязан установить, что ранее выбранные средства не «приве[ли] к разрешению спора», прежде чем «выбрать другое из средств, предусмотренных в статье 33 Устава Организации Объединенных Наций», Суд толкует только условия второго предложения этого положения, которое предусматривает, что, если выбранные средства не привели к разрешению спора, «Генеральный секретарь... выбирает другое из средств, предусмотренных в статье 33 Устава Организации Объединенных Наций, и так до тех пор, пока спор не будет разрешен или пока не будут исчерпаны все предусмотренные в ней средства мирного разрешения споров» (курсив добавлен).

Суд должен определить, является ли, согласно пункту 2 статьи IV Женевского соглашения, согласие сторон на разрешение их спора судебными средствами условием того, что Генеральный секретарь должен следовать порядку, в котором средства разрешения споров перечислены в статье 33 Устава Организации Объединенных Наций.

Суд считает, что обычный смысл этого положения указывает на то, что Генеральный секретарь призван выбрать любое из средств, перечисленных в статье 33 Устава, но не обязан следовать при этом определенному порядку.

По мнению Суда, толкование пункта 2 статьи IV Женевского соглашения, согласно которому средства урегулирования должны применяться последовательно, в том порядке, в котором они перечислены в статье 33 Устава, может оказаться противоречащим предмету и цели Женевского соглашения по ряду причин. Во-первых, исчерпание некоторых средств сделает бессмысленным обращение к другим. Более того, такое толкование затянёт разрешение спора, поскольку одни средства могут быть более эффективными, чем другие, в свете обстоятельств вокруг спора между сторонами. Напротив, гибкость и свобода действий, предоставленные Генеральному секретарю при осуществлении возложенных на него полномочий по принятию

решений, способствуют достижению цели практического, эффективного и окончательного разрешения спора.

Суд также напоминает, что Устав Организации Объединенных Наций не требует исчерпания дипломатических переговоров в качестве предварительного условия для принятия решения прибегнуть к судебному разбирательству.

В заключение Суд отмечает, что, как следует из последующей практики сторон, они признали, что Генеральный секретарь не обязан следовать порядку, в котором средства разрешения перечислены в статье 33 Устава, а имеет право отдавать предпочтение одним средствам перед другими.

Что касается вопроса о консультациях, то, как считает Суд, ничто в пункте 2 статьи IV Женевского соглашения не требует, чтобы Генеральный секретарь консультировался со сторонами перед выбором средства урегулирования. Он также отмечает, что, хотя сменявшие друг друга генеральные секретари проводили консультации со сторонами, из различных сообщений генеральных секретарей ясно следует, что единственной целью таких консультаций был сбор информации от сторон для выбора наиболее подходящего средства урегулирования.

Суд приходит к выводу, что, не достигнув соглашения, стороны возложили на Генерального секретаря, в соответствии с пунктом 2 статьи IV Женевского соглашения, роль для выбора любого из средств разрешения споров, предусмотренных в статье 33 Устава. При выборе средств урегулирования Генеральный секретарь не обязан, согласно пункту 2 статьи IV, следовать определенному порядку или консультироваться со сторонами по поводу этого выбора. Наконец, стороны также договорились выполнять решение Генерального секретаря.

IV. Юрисдикция Суда (пункты 102–115)

Как установил Суд, стороны, в силу пункта 2 статьи IV Женевского соглашения, признали возможность разрешения спора путем судебного разбирательства. Поэтому Суд рассматривает вопрос о том, действовал ли Генеральный секретарь, выбрав Международный Суд в качестве средства судебного разбирательства спора между Гайаной и Венесуэлой, в соответствии с этим положением. Если он решит, что это так, Суду придется определить правовые последствия решения Генерального секретаря от 30 января 2018 года для юрисдикции Суда в соответствии с пунктом 1 статьи 36 его Статута.

A. Соответствие решения Генерального секретаря от 30 января 2018 года пункту 2 статьи IV Женевского соглашения (пункты 103–109)

Напомнив содержание писем, которые Генеральный секретарь направил 30 января 2018 года президентам Гайаны и Венесуэлы в связи с урегулированием спора, Суд прежде всего отмечает, что, объявляя о выборе Международного Суда в качестве следующего средства урегулирования, которое должно быть использовано для разрешения спора, Генеральный секретарь прямо опирался на пункт 2 статьи IV Женевского соглашения. Суд далее отмечает, что, если ранее выбранное средство

урегулирования не приводит к разрешению спора, это положение призывает Генерального секретаря выбрать другое средство разрешения споров, предусмотренное статьей 33 Устава Организации Объединенных Наций, не требуя от него следовать какому-либо конкретному порядку.

Суд считает, что средства, ранее выбранные Генеральным секретарем, «не привели к разрешению спора» в соответствии с положениями пункта 2 статьи IV. К 2014 году стороны уже более двадцати лет занимались процессом добрых услуг в рамках Женевского соглашения под руководством трех личных представителей, назначенных сменявшими друг друга генеральными секретарями, с целью прийти к урегулированию спора. В результате в своем решении от 30 января 2018 года Генеральный секретарь заявил, что, поскольку в процессе добрых услуг не было достигнуто значительного прогресса в достижении полного соглашения для разрешения спора, он «выбрал Международный Суд в качестве средства, которое теперь будет использоваться для его разрешения», тем самым выполнив свою обязанность выбрать другое средство разрешения из тех, которые предусмотрены в статье 33 Устава Организации Объединенных Наций.

Ни в пункте 2 статьи IV Женевского соглашения, ни в статье 33 Устава Организации Объединенных Наций Международный Суд Организации Объединенных Наций прямо не упоминается. Однако Суд, являясь «главным судебным органом Организации Объединенных Наций» (статья 92 Устава), представляет собой средство «судебного разбирательства» по смыслу статьи 33 Устава. Поэтому Генеральный секретарь мог бы выбрать Суд на основании пункта 2 статьи IV Женевского соглашения в качестве судебного средства урегулирования спора между сторонами.

Суд отмечает, что, кроме того, обстоятельства заключения Женевского соглашения, включающие заявления министров и парламентские дебаты, свидетельствуют о том, что обращение в Международный Суд рассматривалось сторонами во время их переговоров.

В свете вышеизложенного Суд считает, что, заключая Женевское соглашение, обе стороны допустили возможность того, что в соответствии с пунктом 2 статьи IV этого документа Генеральный секретарь может выбрать судебное разбирательство Международным Судом в качестве одного из средств, перечисленных в статье 33 Устава Организации Объединенных Наций для разрешения спора. Таким образом, решение Генерального секретаря от 30 января 2018 года было принято в соответствии с положениями пункта 2 статьи IV Женевского соглашения.

Суд отмечает, что тот факт, что Генеральный секретарь предложил Гайане и Венесуэле, если они того пожелают, «попытаться разрешить спор путем прямых переговоров параллельно с судебным процессом», и его предложение добрых услуг с этой целью, не влияет на соответствие решения пункту 2 статьи IV Женевского соглашения. Суд уже объяснял в прошлом, что параллельные попытки урегулирования спора дипломатическими средствами не препятствуют его рассмотрению в Суде. В данном случае Генеральный секретарь просто напомнил сторонам, что переговоры являются средством урегулирования, которое остается в их распоряжении, пока спор находится на рассмотрении Суда.

В. Правовые последствия решения Генерального секретаря от 30 января 2018 года (пункты 110–115)

Затем Суд переходит к рассмотрению правовых последствий решения Генерального секретаря для юрисдикции Суда в соответствии с пунктом 1 статьи 36 Статута, который предусматривает, что «[к] ведению Суда относятся все дела, которые будут переданы ему сторонами, и все вопросы, специально предусмотренные Уставом Объединенных Наций или действующими договорами и конвенциями».

Суд напоминает, что «его юрисдикция основана на согласии сторон и ограничена рамками, принятыми ими».

И этот Суд, и предшествовавший ему суд ранее отмечали в ряде дел, что стороны не обязаны выражать свое согласие на юрисдикцию Суда в какой-либо конкретной форме. Следовательно, в Статуте Суда нет ничего, что могло бы помешать сторонам выразить свое согласие через механизм, созданный в соответствии с пунктом 2 статьи IV Женевского соглашения.

Суд напоминает, что он, однако, должен убедиться в том, что существует недвусмысленное указание на желание сторон спора признать юрисдикцию Суда добровольно и бесспорно.

Суд поясняет, что, согласно утверждению Венесуэлы, Женевское соглашение само по себе недостаточно для обоснования юрисдикции Суда и что последующее согласие сторон требуется даже после решения Генерального секретаря выбрать Международный Суд в качестве средства судебного разбирательства. Однако решение, принятое Генеральным секретарем в соответствии с полномочиями, предоставленными ему согласно пункту 2 статьи IV Женевского соглашения, не будет иметь силы, если для его осуществления требуется дополнительное согласие сторон. Более того, толкование пункта 2 статьи IV, которое ставило бы выполнение решения Генерального секретаря в зависимость от дальнейшего согласия сторон, противоречило бы этому положению, а также предмету и цели Женевского соглашения, которые заключаются в обеспечении окончательного разрешения спора, поскольку оно давало бы любой из сторон право откладывать на неопределенный срок разрешение спора путем отказа от такого согласия.

По всем этим причинам Суд приходит к выводу, что, предоставив Генеральному секретарю полномочия выбирать надлежащие средства разрешения их спора, включая возможность обращения к судебному разбирательству в Международном Суде, Гайана и Венесуэла согласились на его юрисдикцию. Текст, предмет и цель Женевского соглашения, а также обстоятельства, связанные с его заключением, подтверждают этот вывод. Из этого следует, что согласие сторон на юрисдикцию Суда установлено в обстоятельствах данного дела.

V. Обращение в Суд (пункты 116–121)

Далее суд переходит к вопросу о том, было ли обращение Гайаны в Суд правомерным.

В этой связи он напоминает, что обращение в Суд является «процессуальным шагом, не зависящим от применяемого основания юрисдикции и, будучи таковым, регулируется Статутом и Регламентом Суда». Таким образом, для того чтобы Суд мог рассматривать дело, помимо соответствующего основания юрисдикции, необходим сам акт обращения в Суд.

В данном случае Суд считает, что соглашение сторон о совместном обращении в Суд необходимо только в том случае, если они еще не согласились с его юрисдикцией. Однако, сделав выше вывод о том, что согласие сторон на юрисдикцию Суда установлено в обстоятельствах данного дела, любая из сторон может возбудить разбирательство путем одностороннего заявления в соответствии со статьей 40 Статута Суда.

В свете вышеизложенного Суд приходит к выводу, что обращение к нему для рассмотрения спора между сторонами посредством подачи заявления Гайаной является правомерным.

VI. Сфера юрисдикции Суда (пункты 122–137)

Придя к выводу, что он обладает юрисдикцией для рассмотрения заявления Гайаны и что данное дело было направлено к нему на правомерных основаниях, Суд выясняет, подпадают ли все претензии, выдвинутые Гайаной, под его юрисдикцию.

Суд отмечает, что в своем заявлении Гайана выдвинула определенные претензии относительно действительности арбитражного решения 1899 года и другие претензии, вытекающие из событий, произошедших после заключения Женевского соглашения. Следовательно, Суд сначала выясняет, подпадают ли претензии Гайаны в отношении действительности решения 1899 года о границе между Британской Гвианой и Венесуэлой под предмет спора, который стороны согласились разрешить с помощью механизма, изложенного в статьях I–IV Женевского соглашения, и, как следствие, обладает ли Суд юрисдикцией *ratione materiae* для их рассмотрения. Во-вторых, он должен будет определить, подпадают ли претензии Гайаны, вытекающие из событий, произошедших после заключения Женевского соглашения, под юрисдикцию Суда *ratione temporis*.

Что касается своей юрисдикции *ratione materiae*, то Суд напоминает, что в статье I Женевского соглашения говорится о споре, возникшем между сторонами Женевского соглашения в результате утверждения Венесуэлы о недействительности решения 1899 года о границе между Британской Гвианой и Венесуэлой. Как указано выше, предмет спора, который стороны согласились разрешить в рамках Женевского соглашения, касается действительности арбитражного решения 1899 года и его последствий для сухопутной границы между Гайаной и Венесуэлой. Противоположные взгляды, которых придерживались стороны Женевского соглашения относительно действительности арбитражного решения 1899 года, подтверждаются использованием слов «венесуэльское утверждение» (“Venezuelan contention”) в статье I Женевского соглашения. Слово «утверждение» (“contention”), в соответствии с обычным значением, которое следует придать ему в контексте данного положения, указывает на то, что предполагаемая ничтожность арбитражного решения 1899 года

была предметом разногласий между сторонами Женевского соглашения, по которому следовало искать решения. Это никоим образом не означает, что Соединенное Королевство или Гайана согласились с этим утверждением до или после заключения Женевского соглашения. Поэтому Суд считает, что, вопреки аргументам Венесуэлы, использование слова «утверждение» (“contention”) указывает на противоположные мнения сторон Женевского соглашения относительно действительности арбитражного решения 1899 года.

Такое толкование согласуется с предметом и целью Женевского соглашения, которое должно было обеспечить окончательное разрешение спора между Венесуэлой и Соединенным Королевством о границе между Венесуэлой и Британской Гвианой, о чем свидетельствуют его название и преамбула. Действительно, было бы невозможно окончательно разрешить спор о границе между сторонами, не решив сначала вопрос о действительности арбитражного решения 1899 года о границе между Британской Гвианой и Венесуэлой.

Суд считает, что такое толкование также подтверждается обстоятельствами, связанными с заключением Женевского соглашения, и заявлением министра иностранных дел Венесуэлы перед Национальным конгрессом Венесуэлы вскоре после заключения этого соглашения. Он, в частности, заявил, что «если будет объявлено о недействительности арбитражного решения 1899 года, будь то по соглашению между затронутыми сторонами или по решению любого компетентного международного органа в соответствии с Соглашением, то вопрос вернется в свое первоначальное состояние».

Поэтому Суд приходит к выводу, что претензии Гайаны относительно действительности решения 1899 года о границе между Британской Гвианой и Венесуэлой и связанный с ними вопрос об окончательном урегулировании спора о сухопутной границе между Гайаной и Венесуэлой относятся к предмету спора, который стороны согласились разрешить с помощью механизма, изложенного в статьях I–IV Женевского соглашения, в частности в пункте 2 статьи IV, и что, как следствие, Суд обладает юрисдикцией *ratione materiae* для рассмотрения этих претензий.

Что касается его юрисдикции *ratione temporis*, то, как отмечает Суд, объем спора, который стороны согласились разрешить с помощью механизма, изложенного в статьях I–IV Женевского соглашения, ограничен его статьей I, в которой говорится о «споре... который возник в результате утверждения Венесуэлы о том, что арбитражное решение 1899 года... является недействительным». Использование настоящего совершенного времени (“has arisen”) в статье I указывает на то, что стороны понимали под спором разногласие, которое возникло между ними на момент заключения Женевского соглашения. Этому толкованию не противоречит текст на испанском языке, имеющий аналогичную силу. Это подкрепляется использованием определенного артикля в названии Соглашения (“Agreement to resolve *the* controversy” («Соглашение о разрешении спора»); на испанском языке “Acuerdo para resolver *la* controversia”), ссылка в преамбуле на разрешение «любого *нерешенного* спора» (“any *outstanding* controversy”; на испанском языке “cualquiera controversia *pendiente*”), а также ссылка на то, что Соглашение было достигнуто «для разрешения *настоящего* спора» (“to resolve the *present* controversy”; на испанском языке “para

resolver la *presente controversia*”) (курсив добавлен). Поэтому юрисдикция Суда ограничена *ratione temporis* претензиями любой из сторон, существовавшими на дату подписания Женевского соглашения 17 февраля 1966 года. Следовательно, претензии Гайаны, вытекающие из событий, произошедших после подписания Женевского соглашения, не подпадают под юрисдикцию Суда *ratione temporis*.

В свете вышеизложенного Суд приходит к выводу, что он обладает юрисдикцией для рассмотрения претензий Гайаны относительно действительности арбитражного решения 1899 года о границе между Британской Гвианой и Венесуэлой и связанного с ним вопроса об окончательном урегулировании спора о сухопутной границе между территориями Сторон.

VII. Постановляющая часть (пункт 138)

Суд

1) двенадцатью голосами против четырех

устанавливает, что обладает юрисдикцией для рассмотрения поданного Кооперативной Республикой Гайана заявления постольку, поскольку оно касается действительности арбитражного решения от 3 октября 1899 года и смежного вопроса об окончательном урегулировании спора между Кооперативной Республикой Гайана и Боливарианской Республикой Венесуэла о сухопутной границе;

за: Председатель Юсуф; Вице-Председатель Сюэ; судьи Томка, Кансаду Триндади, Донохью, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Кроуфорд, Салам, Ивасава; судья *ad hoc* Чарлзуорт;

ПРОТИВ: судьи Абраам, Беннуна, Гая, Геворгян;

2) единогласно

устанавливает, что не обладает юрисдикцией для рассмотрения претензий Кооперативной Республики Гайана, вытекающих из событий, которые произошли после подписания Женевского соглашения.

*

Судья Томка прилагает заявление к решению Суда; судьи Абраам и Беннуна прилагают несогласные мнения к решению Суда; Судьи Гая и Робинсон прилагают заявления к решению Суда; Судья Геворгян прилагает несогласное мнение к решению Суда.

*

* *

Заявление судьи Томки

Проголосовав за выводы, сделанные Судом, судья Томка хочет высказать несколько замечаний по этому делу, которое является довольно необычным. Хотя Женевское соглашение 1966 года и, в частности, его пункт 2 статьи IV не подходят под обычные формы специальных соглашений или компромиссных положений, предусматривающих разрешение споров Судом, факт остается фактом: Женевское соглашение предусматривает набор процедур и механизмов, направленных на разрешение спора между Гайаной и Венесуэлой.

По мнению судьи Томки, стороны согласились на юрисдикцию Международного Суда, заключив Женевское соглашение, если Генеральный секретарь выберет его в качестве средства урегулирования. Юрисдикция Суда *ratione materiae*, основанная на этом Соглашении, охватывает спор о границе, включая вопрос о действительности арбитражного решения 1899 года.

Подтверждая свою юрисдикцию, Суд предоставляет возможность ответчику обосновать свое утверждение относительно того, что арбитражное решение 1899 года является недействительным. Вопрос о действительности арбитражного решения 1899 года является правовым вопросом *par excellence*, и никакой другой орган, кроме судебного, не подходит для его решения. По мнению судьи Томки, Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций принял правильное решение, выбрав Суд в качестве средства урегулирования спора между Гайаной и Венесуэлой.

Сторонам важно понимать, что, если арбитражное решение 1899 года будет признано Судом недействительным, ему потребуются дополнительные представления о траектории сухопутной границы в виде доказательств и аргументов, чтобы полностью разрешить спор между ними.

Несогласное мнение судьи Абраама

Судья Абраам считает, что не существует правооснования, позволяющего Суду рассматривать спор между Венесуэлой и Гайаной по одностороннему заявлению последней. По его мнению, большинство правильно считает, что Генеральный секретарь имел право выбрать Международный Суд в качестве следующего средства урегулирования по смыслу пункта 2 статьи IV Женевского соглашения и что он не был обязан следовать какому-либо определенному порядку в своем выборе последовательных средств. По мнению судьи Абраама, также нет никаких сомнений в том, что выбор Генерального секретаря не является простой рекомендацией, не имеющей обязательной силы, а создает определенные обязательства для сторон Соглашения.

Однако судья Абраам считает, что эти элементы не позволяют сделать вывод о наличии в данном случае «недвусмысленного указания на желание сторон спора добровольно и бесспорно признать юрисдикцию Суда». Он, в частности, не согласен с пониманием большинства о предмете и цели Соглашения. По его мнению, пункт 2 статьи IV действительно выражает согласие сторон с тем, что их спор в конечном итоге может быть разрешен путем судебного разбирательства; но он не устанавливает обязательного механизма, направленного на обеспечение получения такого

решения путем переговоров, если это возможно, или судебными средствами, если это необходимо. Напротив, из ряда положений Соглашения ясно видно, что стороны допускали возможность того, что его выполнение не обязательно приведет к урегулированию их спора. Это относится к пункту 2 статьи IV, согласно которому Генеральный секретарь выбирает средства урегулирования одно за другим «и так до тех пор, пока спор не будет разрешен или пока не будут исчерпаны все предусмотренные в ней [в статье 33] средства мирного разрешения споров». Таким образом, заключая Соглашение, стороны не намеревались заранее дать свое согласие на судебное разбирательство. В отсутствие такого согласия Суд должен был отказаться от юрисдикции.

Несогласное мнение судьи Беннуны

В деле, возбужденном Гайаной против Венесуэлы по спору о действительности арбитражного решения от 3 октября 1899 года, Суд объявил себя компетентным рассматривать заявление Гайаны на основании пункта 2 статьи IV Женевского соглашения от 17 февраля 1966 года. По мнению судьи Беннуны, это положение не может устанавливать юрисдикцию Суда, поскольку стороны не дали четкого и недвусмысленного согласия на разрешение их спора Судом. Скорее, это положение о выборе средств. Согласно этому положению, стороны наделили Генерального секретаря полномочиями выбирать одно из средств разрешения их спора из числа тех, которые предусмотрены в статье 33 Устава Организации Объединенных Наций, «пока спор не будет разрешен или пока не будут исчерпаны все предусмотренные в ней средства мирного разрешения споров». Судья Беннуна считает, что в толковании Суда предпочтение было отдано предмету и цели Соглашения, а именно достижению окончательного урегулирования спора, вместо обычного значения второго альтернативного варианта этого положения, лишив его *effet utile*. При этом Суд пришел к выводу, что Генеральный секретарь может вместо сторон дать согласие на юрисдикцию Суда. Такая передача полномочий не имеет прецедента в международной практике и не подлежит временному ограничению. Самого Генерального секретаря не убедили полномочия, которыми его наделили стороны, что ясно из его письма на их имя от 30 января 2018 года, в котором он назвал Суд в качестве следующего средства урегулирования, предложив при этом свои добрые услуги в качестве дополнительной процедуры, которая «могла бы способствовать использованию выбранного средства мирного урегулирования». Также в контексте своего телеологического толкования Женевского соглашения Суд пришел к выводу, что он обладает юрисдикцией не только в отношении спора о действительности арбитражного решения от 3 октября 1899 года, но и в отношении другого совершенно отдельного спора, а именно спора о делимитации сухопутной границы между этими двумя государствами. Судья Беннуна не разделяет этот вывод, который, по его мнению, игнорирует обычное значение понятий, содержащихся в Женевском соглашении, в той мере, в какой единственный спор, предусмотренный этим документом, касается действительности арбитражного решения от 3 октября 1899 года.

Заявление судьи Гаи

Судья Гая согласен с мнением большинства в том, что стороны обязаны передать свой спор в Суд в соответствии с пунктом 2 статьи IV Женевского соглашения 1966 года и решением Генерального секретаря выбрать судебное разбирательство в качестве средства, которое должно быть использовано. Однако, по мнению судьи Гаи, решение Генерального секретаря не является достаточным для наделения Суда юрисдикцией. Статья IV, пункт 2, уполномочивает Генерального секретаря выбрать любое из средств разрешения споров, упомянутых в статье 33 Устава Организации Объединенных Наций, но оставляет выполнение этого решения на усмотрение сторон. Включение судебного разбирательства в число средств урегулирования спора по Женевскому соглашению не может быть истолковано как подразумевающее согласие сторон на юрисдикцию Суда.

Заявление судьи Робинсона

1. В своем заявлении судья Робинсон заявляет, что он согласен с выводами, содержащимися в диспозитивной части решения, но хотел бы сделать несколько кратких комментариев по этому делу.

2. По словам судьи Робинсона, в Женевском соглашении последовательность и стадии имеют первостепенное значение. Он утверждает, что последовательность предполагает прохождение по стадиям различных средств урегулирования и что в этом процессе неспособность конкретного средства урегулирования разрешить спор создает основу для использования другого средства урегулирования с той же целью. По мнению судьи Робинсона, в обстоятельствах данного дела такой подход приводит к двум результатам. Во-первых, на заключительной стадии выбирается такое средство урегулирования, которое позволит разрешить спор. Во-вторых, к моменту достижения заключительной стадии по статье IV (2) стороны соглашаются принять средство урегулирования, выбранное Генеральным секретарем, то есть Международный Суд, тем самым соглашаясь с юрисдикцией Суда в отношении данного спора.

3. По мнению судьи Робинсона, этот результат имеет особое значение, поскольку Женевское соглашение не содержит обычной компромиссной оговорки в договоре, позволяющей стороне передать в Суд спор, касающийся его толкования или применения. Он утверждает, что компромиссная оговорка отражает согласие сторон договора на юрисдикцию Суда. Однако судья Робинсон отмечает, что, в соответствии со сложившейся практикой, согласие на юрисдикцию Суда не обязательно должно быть выражено в определенной форме. Следовательно, он приходит к выводу, что в данном деле Суд должен убедиться на основании Женевского соглашения и любых других соответствующих материалов, что стороны дали согласие на его юрисдикцию. Судья Робинсон утверждает, что статья I Женевского соглашения предусматривает создание Смешанной комиссии для поиска решения по практическому урегулированию спора между двумя странами, вытекающего из аргумента Венесуэлы о недействительности арбитражного решения 1899 года. Он также ссылается на статью II, в которой изложена процедура создания Смешанной комиссии, и

статью III, которая предусматривает, что Комиссия должна была представлять доклады с интервалом в шесть месяцев в течение четырех лет.

4. Судья Робинсон ссылается на статью IV (I), которая предусматривает, что если в течение четырех лет Смешанная комиссия не придет к «полному согласию для разрешения спора», она должна передать все нерешенные вопросы этим двум странам, которые обязаны выбрать один из способов разрешения споров, предусмотренных статьей 33 Устава Организации Объединенных Наций.

5. По мнению судьи Робинсона, важный пункт 2 можно разделить на два этапа. В соответствии с первым этапом, если в течение трех месяцев после получения окончательного доклада о выборе одного из средств урегулирования в статье 33 стороны не придут к согласию, они обязаны «передать решение о средствах урегулирования на рассмотрение соответствующего международного органа, на который они оба согласны, или, в случае отсутствия согласия по этому вопросу, — на рассмотрение Генерального секретаря Организации Объединенных Наций». Он отмечает, что в обстоятельствах данного дела то, что было передано Генеральному секретарю, является не просто решением о средствах урегулирования, а скорее решением о выборе средств урегулирования. Он заявляет, что, поскольку Стороны не смогли договориться о передаче решения о средствах урегулирования в соответствующий международный орган, это решение было передано Генеральному секретарю. Он отмечает, что в обычном значении слова «решить» (“decide”) решить вопрос означает довести его до окончательного решения и что, следовательно, следствием передачи решения о средствах урегулирования Генеральному секретарю является наделение его полномочиями довести до окончательного решения вопрос о средствах урегулирования. По мнению судьи Робинсона, слово «решение» подразумевает обязательный, а не просто рекомендательный результат.

6. Судья Робинсон отмечает, что на втором этапе процесса пункт 2 предусматривает, что в случае, если средства, выбранные Генеральным секретарем, не приведут к разрешению спора, он «выбирает другое из средств, предусмотренных статьей 33 Устава Организации Объединенных Наций, и так до тех пор, пока спор не будет разрешен или пока не будут исчерпаны все предусмотренные в ней средства мирного разрешения споров». Он отмечает, что средства добрых услуг использовались четырьмя генеральными секретарями в течение 27 лет, не приведя к решению спора. Вследствие этой неудачи Генеральный секретарь, действуя на основании полномочий, предоставленных ему сторонами, 30 января 2018 года заявил, что в свете отсутствия прогресса в разрешении спора он «выбрал Международный Суд в качестве средства, которое должно быть использовано для разрешения спора». Судья Робинсон делает четыре замечания по этому поводу.

7. Первое замечание касается того, что статьи I, II, III и IV устанавливают последовательность в использовании различных средств для разрешения спора. После безрезультатного применения различных средств урегулирования, упомянутых в статьях I, II, III и на первом этапе статьи IV (2), судья Робинсон отмечает, что на втором этапе статьи IV (2) остается Генеральный секретарь, которому стороны передали полномочия принимать обязательное решение относительно способов урегулирования.

8. Второе замечание касается того, что, согласившись на первом этапе статьи IV (2) передать решение о средствах урегулирования Генеральному секретарю, стороны не только уполномочивают Генерального секретаря принять решение о выборе средств урегулирования и требуют от него этого, но и выражают свое согласие с выбором, сделанным Генеральным секретарем, и тем самым наделяют выбранное им конкретное средство — Международный Суд — юрисдикцией над спором. Следовательно, судья Робинсон приходит к выводу, что юрисдикция Суда установлена в соответствии со статьей 36 (1) Статута, которая предусматривает его юрисдикцию на основании «договоров», поскольку Женевское соглашение является соответствующим договором. Таким образом, по мнению судьи Робинсона, Суд выполнил требование статьи 53 (2) Статута об обеспечении наличия у него юрисдикции в деле, где сторона не явилась.

9. Третье замечание судьи Робинсона касается того, что правильное прочтение Статьи IV (2), да и всей Статьи IV в целом, не приводит к выводу о том, что для возбуждения дела в Суде необходимо согласие обеих сторон. Он утверждает, что это так, поскольку, когда на первом этапе статьи IV (2) стороны передают решение о средствах урегулирования на рассмотрение Генерального секретаря, они соглашались с тем, что решение Генерального секретаря является обязательным для них обеих; следовательно, это решение, на основании которого любая из них может в одностороннем порядке возбудить дело в Суде. Судья Робинсон отмечает, что прочтение статьи IV (2) как требующей от другой стороны согласия на возбуждение разбирательства противоречило бы предмету и цели Соглашения — найти решение для спора, поскольку весьма вероятно, что другая сторона не согласится на такой ход.

10. Поэтому судья Робинсон заключает, что после того, как Генеральный секретарь определил Международный Суд как средство урегулирования, Гайана или Венесуэла вполне могли подать заявление в Суд в соответствии со статьей 40 (1) Статута. В данном случае заявление подала Гайана.

11. Четвертое замечание судьи Робинсона касается того, что во втором этапе статьи IV (2) нет ничего, что обязывало бы Генерального секретаря исчерпать некоторые или все внесудебные средства разрешения споров, предусмотренные в статье 33, прежде чем он получит право выбрать судебное разбирательство Судом для урегулирования спора. Судья Робинсон отмечает, что после того, как в процессе добрых услуг не удалось найти решение, Генеральный секретарь был вправе и был обязан выбрать любое другое из средств, указанных в статье 33, в поисках решения спора. Как он отмечает, логично и понятно, что после неудачи процесса добрых услуг, использовавшегося в течение 27 лет, Генеральный секретарь выберет такое средство урегулирования, которое приведет к результату, обязательному для сторон. Он отмечает, что, выбирая Международный Суд, Генеральный секретарь остановился на таком средстве урегулирования, результат которого был бы обязательным для сторон. Такой выбор соответствует намерению сторон при принятии Женевского соглашения предусмотреть процедуру урегулирования споров, которая приведет к окончательному и полному разрешению спора.

12. По мнению судьи Робинсона, реальный вопрос для Суда заключается в том, выбрал ли Генеральный секретарь Международный Суд в качестве формы судебного разбирательства в соответствии со статьей 33 Устава, действуя в рамках своих полномочий по статье IV (2) Женевского соглашения. Например, обязан ли он был выбрать иное средство урегулирования, чем судебное разбирательство, или он обязан был выбрать средство урегулирования в определенном порядке, и очередь судебного разбирательства еще не наступила? По мнению судьи Робинсона, ответ отрицательный. Генеральный секретарь был уполномочен «выбрать другое из средств» разрешения споров в статье 33 Устава. Ему был оставлен выбор другого средства урегулирования из набора средств, указанных в статье 33. Второй этап статьи IV (2) обязывает Генерального секретаря «вы[брать] другое из средств, предусмотренных статьей 33 Устава Организации Объединенных Наций, и так до тех пор, пока спор не будет разрешен или пока не будут исчерпаны все предусмотренные в ней средства мирного разрешения споров». Судья Робинсон отмечает, что, как утверждается, Генеральный секретарь может прибегнуть ко всем средствам урегулирования, указанным в статье 33, при этом спор не будет разрешен. Этот аргумент является ошибочным, поскольку среди средств урегулирования было два, способных окончательно разрешить спор, а именно арбитраж и судебное разбирательство. Поэтому, как только Генеральный секретарь выбирает Международный Суд, ему нет необходимости прибегать к любым другим средствам, указанным в статье 33, поскольку Международный Суд как судебный орган разрешит спор, приняв решение, которое будет обязательным для сторон. Судья Робинсон приходит к выводу о том, что, хотя вопросы, поднятые в этом аргументе, могут быть интригующими, фраза «или пока не будут исчерпаны все предусмотренные в ней средства мирного разрешения споров», утратив силу, не имеет практических последствий в обстоятельствах данного дела.

13. В свете вышеизложенного судья Робинсон со всем уважением выражает несогласие с включением пункта 86 в решение. По его мнению, предостережение, прозвучавшее в этом пункте, не является оправданным в обстоятельствах данного дела.

Несогласное мнение судьи Геворгияна

Судья Геворгиян не согласен с выводом Суда о том, что Суд обладает юрисдикцией для рассмотрения претензий Гайаны.

По его мнению, решение Суда подрывает основополагающий принцип согласия сторон на юрисдикцию Суда. Суд принял беспрецедентное решение осуществлять юрисдикцию на основании договора, в котором Суд даже не упоминается и отсутствует пункт о передаче споров на его рассмотрение. Это особенно проблематично с учетом того, что одна из сторон последовательно отказывается передать настоящий спор на рассмотрение Суда, а спор затрагивает национальные интересы высшего порядка, включая территориальный суверенитет.

В частности, судья Геворгян считает, что статья IV (2) Женевского соглашения не наделяет Генерального секретаря Организации Объединенных Наций полномочием выносить юридически обязательное решение относительно средства урегулирования, которое должны использовать стороны. Противоположный вывод, сделанный Судом, не подтверждается ни текстом Женевского соглашения, ни его предметом и целью.

По мнению судьи Геворгяна, предмет и цель Женевского соглашения заключаются в том, чтобы помочь сторонам достичь согласованного урегулирования их спора. По сути, Генеральный секретарь играет роль, не имеющую обязательной силы, подобную роли примирителя или посредника, которому поручено содействовать попыткам сторон достичь согласованного решения, но который не уполномочен навязывать им то или иное средство урегулирования.

Наконец, судья Геворгян считает, что Суд не уделяет должного внимания текущей и исторической позиции Венесуэлы в отношении урегулирования спора с участием третьих сторон, в том числе тому факту, что Венесуэла несколько раз до 1966 года выражала свое нежелание того, чтобы вопросы, касающиеся ее территории, решались третьими сторонами без ее явного согласия.
